

По спине Минну пробежал ледяной холодок. Он инстинктивно покосился на Эргуэня. Тот снова обратился тихим черным котом и, прижатый тяжелой ладонью Ли Сяохо, послушно устроился у него на плече.

— Что он имел в виду? — спросил Минну.

Пока он говорил, Эргуэнь перепрыгнул с плеча Ли Сяохо прямо к нему на руки, выудил из складок его одежды остатки лакомств и, придерживая еду лапкой, принялся неторопливо жевать.

— Возможно, он о злобных духах, — предположил Ли Сяохо.

Устроившись на груди у Минну, котенок то и дело косился на Цзянь Сюэхе. Набив щеки угощением, он негромко пропищал Минну на ухо:

— Матушка, он красивый.

Услышав этот тонкий детский голосок, Минну испуганно метнул взгляд на Цзянь Сюэхе и поспешно зажал кошке пасть.

Цзянь Сюэхе, чей незрячий взор по-прежнему был устремлен в пустоту, спокойно спросил:

— Дитя?

Ли Сяохо не понимал, зачем Цзянь Сюэхе притворяется слепым, раз всё прекрасно видит, но промолчал, решив не лезть в чужие дела.

— Да так... подобрал на дороге мелкого призрака, — соврал Минну, легонько щелкнув Эргуэня по лбу.

Они двинулись дальше, сверяясь с картой. Клубившиеся в вышине злобные духи, казалось, почуяли неладное и не решались приблизиться, огибая их стороной.

Черный туман застилал взор. Кое-где крыши полуразрушенных домов были изъедены скверной, а черепица осыпалась в прах. Когда один из духов по неосторожности вылетел прямо перед ними, Эргуэнь мгновенно клацнул зубами и перекусил его пополам. Раздался истошный визг, и призрак исчез в кошачьей пасти.

— Он что, питается этой дрянью? — Минну изумленно попытался разжать кошке челюсти.

Эргуэнь вытаращил на него круглые глаза. Его щеки раздулись, а из пасти все еще

безжизненно свисал обрубок призрачного тела.

— Для нечисти мелкого толка пожирать злобных духов даже полезно, — спокойно заметил Цзянь Сюэхе.

— Слыхала, матушка? Старший брат разрешил, — пролепетал Эргуэнь.

Поняв, что Цзянь Сюэхе ничего не видит, дух окончательно осмелел. Пользуясь тем, что их всего трое, он сбросил кошачью личину, принял свой истинный облик младенца-призрака и уселся прямо на плечо к Минну.

— Хватит болтать глупости, — шикнул Минну.

Он покосился на Ли Сяохо, но тот лишь безучастно шел вперед. Заметив, что животик Эргуэня заметно округлился, а сам малютка сыто икал, Минну невольно встревожился.

— Нам туда, — Эргуэнь бесцеремонно выхватил карту из рук Минну, мельком в нее глянул и указал направление сквозь завесу тумана.

Злобные духи по-прежнему жались к стенам. Эргуэню это явно не нравилось: он недовольно сощурился, высмотрел одну из теней в вышине, протянул крошечную ручонку и бесцеремонно сдернул духа вниз.

Когда Минну обернулся, Эргуэнь уже вовсю жевал добычу. Недоеденная половина призрака отчаянно извивалась, пытаясь вырваться на волю. В черном бесформенном сгустке угадывались искаженные смертным ужасом черты лица.

— Спасите...

— Ик!

Удовлетворенный Эргуэнь вцепился пухлыми ручками в волосы Минну и предупредил:

— Матушка, дедушка, впереди... очень страшная штука.

— Какая еще штука? — спросил Минну.

Эргуэнь, хоть и был порождением тьмы, зла людям не желал, а потому тонко чувствовал чужую скверну.

— Очень-очень страшная, — пробормотал малыш.

Сытный обед сморил его. Он юркнул обратно Минну за пазуху, свернулся там уютным кошачьим клубком и, крепко вцепившись в подол его одежды, мгновенно уснул.

Семейный храм тонул в клубах черного тумана, прижимаясь вплотную к Великой пограничной стене. Огромные пунцовые колонны уходили высоко в небо, а массивная надвратная плита нависала над головой подобно гигантскому зонту. В полумраке святилища смутно угадывались бесконечные ряды поминальных табличек.

Бросив случайный взгляд сквозь мглу, Минну заметил оранжевый край одежды. Пышный подол показался ему знакомым — это был Куй Эрсин, один из братьев Куй.

— Они в храме, — прошептал Минну и шагнул вперед.

Боковым зрением он уловил мелькнувшее алое одеяние. Цзянь Сюэхе бесшумно следовал за ним. Перед длинным алтарем, уставленным табличками, из темноты одна за другой проступали фигуры.

Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый... Все семеро братьев были здесь, ни один не пропал.

— Вы? — первым их заметил Куй Эрсин. Он обернулся, и остальные братья последовали его примеру. — Снова встретились. Мы только что расспросили местных, они подсказали, что зацепку нужно искать здесь.

Минну почувствовал легкую неловкость — ему опять приходилось начинать разговор первым. Куй Чансин смотрел на них со сложным, трудночитаемым выражением лица; Куй Эрсин и Куй Саньсин сохраняли ледяное спокойствие; четвертый и пятый братья продолжали изучать поминальные дощечки. Лишь шестой и седьмой, сбившись в кучу, негромко позвали его: «Брат!»

— Ищите свободно, — нарушил молчание Куй Эрсин. — На этих табличках записаны имена первых жертв и причины их смерти.

Услышав слово «двоих», Минну почувствовал смутную тревогу. Он медленно обернулся: позади него безмолвно высился лишь Цзянь Сюэхе. Черный силуэт Ли Сяохо бесследно растворился во мраке.

«Неужели ушел?»

— Брат Хэ, ты... не заметил, куда делся Ли Сяохо? — Минну насилу выдавил улыбку, мысленно проклиная несносного юношу.

Цзянь Сюэхе соврал без зазрения совести:

— Нет.

Ли Сяохо всегда отличался скверным нравом и привычкой действовать в одиночку. Минну подавил глухое раздражение и постарался вернуть себе хладнокровие — сейчас нужно было сосредоточиться на главном.

— Должно быть, он нашел другую зацепку, — вслух произнес он, после чего обратился к братьям: — Уважаемые братья, вам удалось что-нибудь выяснить?

— Кое-что, — отозвался Куй Чансин. — Все крутится вокруг того старого поджога. Здесь лежат записи о событиях в храме Посо, случившихся несколько месяцев назад. Жертв похоронили прямо при этом святилище, и мы как раз собираемся вскрыть один из гробов.

Перед ними громоздилась бесчисленная масса поминальных дощечек. На каждой были выведены имена усопших и обстоятельства их кончины. Около половины табличек выглядели совсем новыми, и на каждой в конце значилось: «Причина смерти не установлена».

— Что значит «не установлена»? — недоуменно спросил Куй Люсин.

— Это значит, что смерть была насильственной и неестественной, — пояснил Куй Сысин. — Но поскольку расследовать дело не удалось, ограничились этой короткой припиской.

— Сколько же здесь невинно убиенных... — сокрушенно вздохнул Куй Люсин, но внезапно осекся и тревожно пригляделся к младшему брату: — Лаоци, что с тобой?

Минну, внимательно изучавший надписи на алтаре, резко обернулся на крик.

Куй Цисин стоял бледный как полотно. Его глаза неестественно выкатились из орбит, а пальцы судорожно скребли шею — как раз в том месте, куда его совсем недавно укусила тварь.

— Брат... мне как-то... нехорошо, — прохрипел Куй Цисин.

Его голос сделался тонким и пронзительным. Ногти с противным скрежетом рвали кожу на шее, и из-под них уже сочилась густая черная кровь.

— Назад! Держите его! — первым сориентировался Куй Чансин, бросаясь вперед, чтобы перехватить руки брата.

Но младший ничего не слышал. Он лишь безумно шептал: «Чешется... как же чешется...» Его зрачки закатились, лицо сделалось серым, как пепел, а руки продолжали с нечеловеческой силой раздирать плоть на шее. Все его пальцы были испачканы черной гнилой жижой.

— Лаоци, прекрати! — Куй Сысин и Куй Люсин навалились на него с двух сторон, пытаясь умирить его метания.

Куй Цисин покрылся крупным холодным потом. Его блуждающий, затуманенный взор замер, уставившись в одну точку в пустоте.

— А-а-а! — истошно закричал Куй Люсин, когда им с братом наконец удалось силой разжать пальцы Куй Цисина и отвести его руки от лица.

На шее несчастного юноши от укуса не осталось и следа. Вместо него из разорванной плоти уродливым наростом выпирал жуткий мясной бугор, очертаниями напоминавший лицо трехглазого божества Посо. Кровавые прожилки оплетали этот кошмарный нарост, на котором угадывались три плотно сомкнутых века.

Лицо Куй Чансина исказилось. Он дрожащими пальцами коснулся губ младшего брата. Тот застыл каменным изваянием, полностью перестав дышать.

— Как же так... Лаоци... очнись! — запричитали братья.

Худшие догадки подтвердились. Куй Эрсин и Куй Сысин по очереди прижали пальцы к сонной артерии юноши, но пульса не было. Лица присутствующих потемнели от горя и страха.

Куй Чансин медленно опустил руки и глухо произнес:

— Лаоци покусали злобные духи, и вот во что это вылилось... Отныне каждому нужно быть предельно осторожным.

— Да что ты такое говоришь, Лаода?! — со слезами на глазах выкрикнул Куй Люсин, все еще судорожно сжимая плечи мертвеца. Он наотрез отказывался верить в случившееся. — Лаоци жив, он не мог умереть! Сделай же что-нибудь! Нужно немедленно срезать эту омерзительную дрянь у него с шеи!

Не дожидаясь ответа старшего, он в отчаянии протянул руку к жуткому наросту на теле брата.

— Стой, безумец! — Куй Эрсин мгновенно перехватил его запястье, а подоспевшие четвертый и пятый братья намертво обхватили Куй Люсина со спины.

— Успокойся! Это проклятая скверна, к ней нельзя прикасаться!

— Мы ведь давали клятву жизни и смерти перед тем, как отправиться сюда... У каждого из нас свой удел, и Лаоци принял свою судьбу.

Куй Люсин рвался из путавших его рук, лицо его покраснело, а глаза налились кровью.

— Он ведь самый младший из нас! Он пошел в это проклятое место только ради нашего общего дела!

Трагедия разыгралась в считанные мгновения на глазах у Минну и Цзянь Сюэхе. Хоть они и держались в стороне, обоим было ясно — юношу уже не спасти. В повисшей тишине их присутствие казалось неуместным. Куй Эрсин вспомнил о посторонних и бросил на них тяжелый, полный невысказанной горечи взгляд.

Минну приоткрыл рот, но слова застряли у него в горле. Совсем недавно этот задорный, простодушный мальчишка так весело препирался с ними, а теперь перед ними лежал лишь остывающий труп.

— У нас еще есть долг, — глухо распорядился Куй Чансин. — Лаоэр, готовься вскрыть гроб. Тело Лаоци мы заберем и похороним вместе с Лаоу.

— Это всё из-за него!.. — взревел Куй Люсин.

Вспышка ярости придала ему сил: он одним мощным рывком вырвался из рук братьев. В воздух хлынула удушливая волна духовного давления. С резким свистом его меч покинул ножны, и острое клинка устремилось прямо к груди Цзянь Сюэхе.

Смертоносный поток энергии устремился вперед. Минну заставил себя не вмешиваться, и не зря: разрушительный импульс замер ровно в футах от Цзянь Сюэхе, словно натолкнувшись на невидимую преграду.

Сюэхе даже не потянулся к оружию. Казалось, само время вокруг него остановилось. Юноша ленивым жестом поднял руку и зажал острую духовную нить между указательным и средним пальцами. Легкое, едва заметное движение кисти — и вражеская атака рассыпалась бледными искрами, а давящая аура мгновенно сошла на нет.

Превосходство было очевидным с первого же движения. Юноша стоял прямо и неподвижно; его безупречный, точеный профиль казался высеченным из мрамора под сенью чужой враждебности, а полуприкрытые глаза дышали ледяным равнодушием.

Минну безмолвно наблюдал за происходящим. Куй Люсин не годился сопернику даже в подметки. Случись Минну сойтись с Цзянь Сюэхе в бою, его ждала бы та же участь. Четыре года назад он бы, не раздумывая, бросился в драку... но эти воспоминания Минну поспешил отогнать.

Он сделал шаг вперед, заслоня собой Цзянь Сюэхе. Если тот решит наказать наглеца, от бедного мальчишки мокрого места не останется.

— Куй Люсин, нам искренне жаль вашего брата, — мягко произнес Минну, глядя прямо в покрасневшие глаза юноши. — Примите наши соболезнования.

— Лаолю, довольно, — Куй Эрсин перехватил рукоять меча брата. — Ты ему не соперник. Уходим.

Куй Люсин до побеления пальцев сжимал эфес, но в конце концов поддался натиску. Вскоре вся процессия скрылась в тумане, оставив Минну и Цзянь Сюэхе наедине.

Минну медленно обернулся к алтарю. Жуткая метка на шее погибшего не оставляла сомнений: призрачная скверна была смертельно опасна, а значит, подпускать к себе злобных духов нельзя ни в коем случае.

Он бегло пересчитал новые таблички жертв неведомого проклятия. Всего их оказалось пятьдесят шесть, и все эти люди погибли примерно в одно и то же время.

Рядом с подсвечниками лежали старые бамбуковые свитки, на которых были подробно записаны судьбы погибших. Развернув один из них, Минну принялся читать:

«В четвертый месяц года Юаньчу молодой господин Мэн Цзяо отправился в храм призрачного божества Посо, чтобы принести подношения. Ночью разразилась гроза, начался пожар, и Мэн Цзяо заживо сгорел в святилище».

Судя по всему, братья Куй собирались вскрыть именно его гроб. Существовали особые духовные техники, позволявшие считывать воспоминания умерших по их останкам. Мэн Цзяо был первой жертвой в этой цепи трагедий.

Минну читал дальше:

«В середине четвертого месяца крестьянин, живший у подножия горы, поднялся к храму Посо для молитвы. Вернувшись, он лишился рассудка и зарубил топором жену и мать. Придя в себя и осознав содеянное, он наложил на себя руки.

Тогда же, в середине четвертого месяца, проезжавший мимо дровосек ворвался в Храм Посо и жестоко расправился с несколькими монахами, после чего скоропостижно скончался при невыясненных обстоятельствах.

В пятый месяц, в ночь проливных дождей, Храм Посо закрыл свои врата. Наутро внутри не осталось ни единой живой души. Тела погибших были ужасно изувечены, лица иссохли, а плоть обуглилась до костей.

В шестой месяц семейство Ли из здешних мест поразил неведомый недуг, унесший их жизни за одни сутки...»

Далее подробных описаний не приводилось — значились лишь даты и места, где находили новые тела.

В самом конце свитка содержалось краткое описание порождений тьмы:

«В середине шестого месяца пошли слухи, будто во снах людям является само божество Посо, открывая все свои три ока. Рядом с ним неизменно видят фигуру в темных одеждах — девятиглазого и шестиухого призрака, что преданно служит трехглазой владычице. Сей муж в черном восседает на лotosовом престоле и владеет шестью тайными законами истинной магии. Вне сомнений, это опаснейший злой дух».

— Что там написано, Минну? — негромко спросил Цзянь Сюэхе.

Покончив с чтением, Минну немного помолчал, обдумывая прочитанное, а затем слово в слово пересказал содержание свитка.

— Раз все беды начались с храма Посо, почему У Цин ни разу не упомянула об этом месте? Неужели потому, что все, кто туда ходил, давно мертвы?

— Весьма вероятно, — согласился Цзянь Сюэхе. — Но странно другое: почему Куй Цисин не забрал этот свиток с собой?

Минну кивнул, соглашаясь, однако в глубине души почувствовал, что вопрос Цзянь Сюэхе прозвучал как-то неестественно. Он хотел было ответить, как вдруг краем глаза уловил странное шевеление во мгле.

Его взгляд замер. Недалеко от них, прямо за спиной Цзянь Сюэхе, в самой гуще черного тумана соткалась призрачная фигура. Мгла отчетливо рисовала силуэт мужчины в длинном угольно-черном одеянии, чье лицо оставалось скрыто клубами серого дыма.

Минну на мгновение замешкался, но Цзянь Сюэхе среагировал мгновенно. С ослепительным звоном Снежный меч покинул ножны. Белоснежная вспышка рассекла полумрак, обрушиваясь на незваного гостя. Силуэт незнакомца в черном рассыпался под ударом клинка, бесследно растворившись в клубах копоти.

У Минну по спине пробежал мороз. Бамбуковый свиток в его руках вдруг задрожал, обратился в струйку черного дыма и принял свой первоначальный вид.

Это была обыкновенная, покрытая лаком поминальная дощечка.

— Кто-то очень хотел, чтобы мы это прочли, — тихо произнес Цзянь Сюэхе, возвращая дощечку на алтарь. — Настоящие это сведения или ложные — неизвестно. Но теперь понятно, почему братья Куй ничего не заметили.

Свист стали утих, и вокруг вновь воцарилась зловещая тишина. Никаких следов чужого присутствия не осталось.

— Цзянь Минну, тебе удалось разглядеть его лицо?

— Нет... — Минну с трудом сглотнул. Он всегда гордился своим превосходным чутьем, но на протяжении всего пути не уловил ни единого признака слежки. От этой мысли его охватил леденящий ужас. — Как долго он шёл за нами?

Минну крепче сжал рукоять меча, тщетно вглядываясь во тьму в надежде отыскать хоть малейший след беглеца.

Разница в их силе была слишком велика. Какой толк от хваленного чутья, если оно срабатывает лишь тогда, когда опасность уже миновала? Нападавший мог без труда оборвать их жизни в любой момент, и они бы даже не успели вынуть мечи из ножен.

— Только длинные черные одежды... — Минну внезапно осекся.

Черный балахон, девять глаз, шесть ушей...

Это был тот самый злой дух, о котором говорилось на поминальной табличке.

<http://bllate.org/book/20439/2218187>